

МУКС ФРАЙ

МУЖС ФРАЙ

ХРОНИКИ ЕХО

Чуб земли

Властелин Морморы

Неуловимый Хабба Хэн

Ворона на мосту

Горе господина Гро

Обжора-хохотун

Дар Шаванахолы

Тубурская игра

Издательство АСТ
Москва

...all these moments will be lost in time...

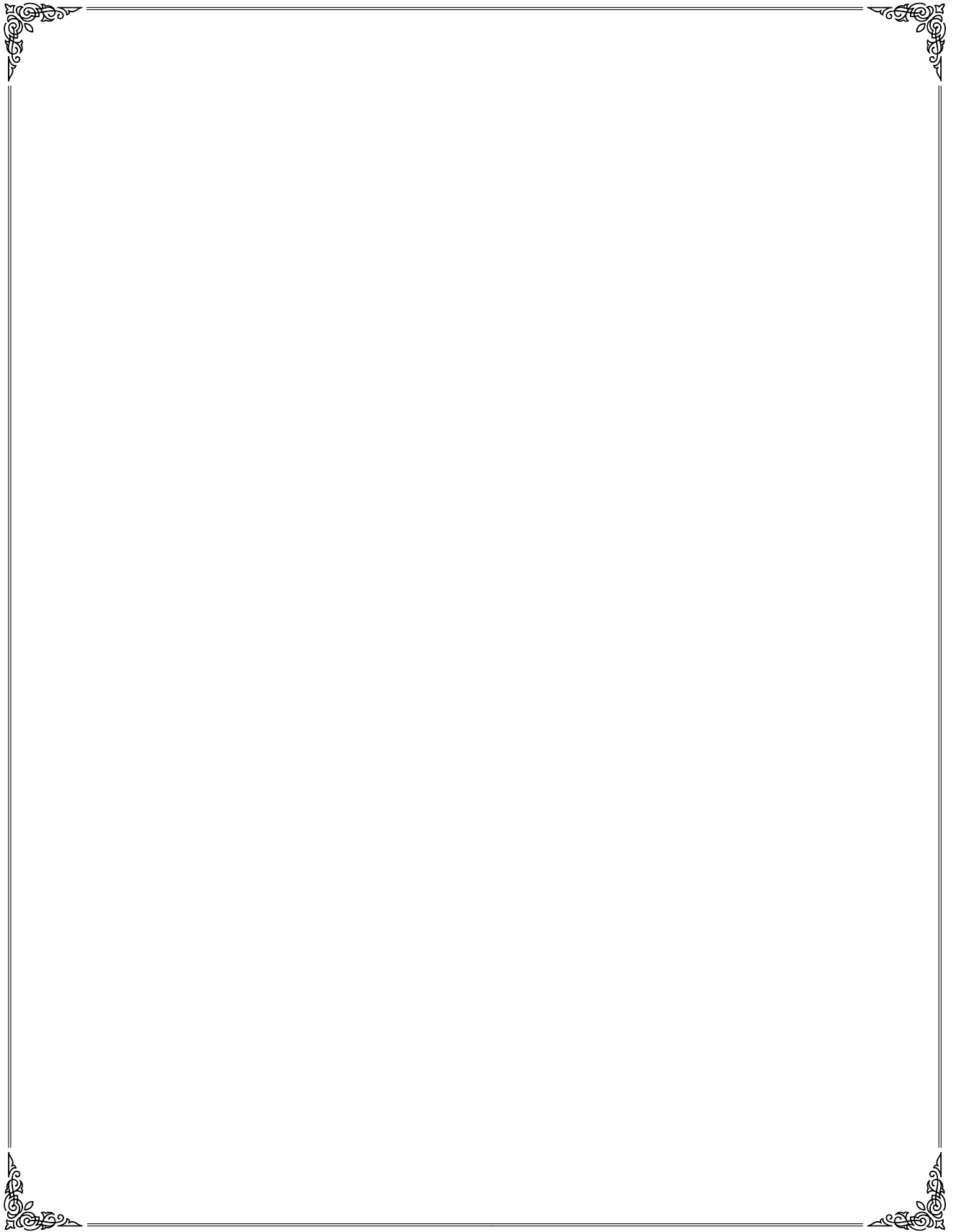
«Blade Runner» by Ridley Scott

ЧУБ ЗЕМЛИ

*История, рассказанная
сэром Максом из Echo*

Стекланные снегири на Птичьем Мосту устроили переполох. Вертятся, звенят, дребезжат, а кажется, что щебечут: «Кто? Кто идет? Кто, кто? Кто к нам идет? Кто? Кто мимо нас прошел? Кто, кто? Кто от нас ушел? Кто?»

А это всего-то Триша идет с рынка. Было бы из-за чего такой шум поднимать.

Корзина ее почти пуста: несколько корешков черного имбиря, шкатулка с зернами кардамона, пучок мяты, фунт горького морского сахара, бутылка кленовой росы да букет мелких хризантем, еще влажных после утренней поливки. Можно было бы обойтись и без этих покупок, на кухне у Триши нет недостатка в специях и травах, но ей требовался хоть какой-нибудь предлог для неспешной прогулки через весь город — как всегда. Леня всякий раз выдумывает иную причину, изобретать новый маршрут, вот и говорит она себе почти каждое утро, что надо бы отправиться на рынок. Иногда это оказывается правдой; в такие дни ее корзина становится слишком тяжелой, и долгий обратный путь не доставляет особого удовольствия — хорошо, если попадетя попутчик с тележкой, но так редко случается. Поэтому Триша не слишком любит правду, по крайней мере, в мелочах.

«Кофейная гуца» стоит на самом краю города — то есть не просто на окраине, а аккуратно на самой границе между «здесь» и «там», «между светом и тенью», как шутит

дядюшка Франк, так что фасад с вывеской выходит на Пустую улицу, а заднее крыльцо, часть палисадника и флигель, где иногда ночуют гости, утопают в живом тумане Границы. Поэтому щенки тумана разгуливают по всему дому, лапаются к домочадцам, иногда забираются на колени к посетителям. Они идеальные домашние любимцы: хлопот с ними немного, только и дел — следить, чтобы в кувшин с водой никто сдуру не залез, а то ведь растает, жалко. А больше никакой возни: щенки тумана питаются человеческим вниманием, а лужицы, которые они иногда оставляют на половицах, быстро высыхают сами, наполняя дом ароматом сырости и меда, так что не приходится тратиться на благовония. «Следует признать, когда я сама была кошкой, я доставляла своим опекунам куда больше беспокойства — а ведь они считали меня тихоней и умницей», — думает Триша.

Это правда.

Триша, впрочем, до сих пор умница и почти тихоня — оно и неплохо. Франк часто повторяет, что это было самое мудрое решение в его жизни: превратить пеструю кошку Тришу в девушку. Только с кошкой и можно ужиться под одной крышей — при условии, что она перестанет гадить в башмаки своих врагов, научится варить кофе и печь шафрановые коржики. А поскольку все эти искусства легко удаются именно людям, проще сразу превратиться в человека, чем сотню лет учиться цирковым фокусам. Поэтому Трише

пришлось превращаться. Она, впрочем, довольна. О Франке и говорить нечего.

Однажды за ужином он обмолвился, что когда-то, очень, очень давно несколько лет прожил в лисьей шкуре и с тех пор доверяет оборотням куда больше, чем обычным людям или животным. Дескать, тот, кому ни разу не доводилось стать чем-то иным, вообще ничего не знает ни о жизни, ни о себе, а невежество, как известно, хуже греха, — последнюю фразу Франк повторяет очень часто, по любому поводу и вовсе без повода, произносит ее с видимым удовольствием, смакует, наслаждаясь каждым словом. Глядя на него, Триша почти уверена, что слово «невежество» имеет отчетливый привкус копченой селедки, «хуже» смахивает на черный, вязкий ржаной хлеб, а хрустящий «грех», надо понимать, впитал в себя всю сладость и остроту репчатого лука.

«Насчет невежества и греха Франку, конечно, виднее, но как по мне, на оборотнях свет клином все-таки не сошелся», — думает теперь Триша. Ей нравятся и соседи, и знакомые горожане, и почти все клиенты, даже те, кто видит «Кофейную гуцу» и городские улицы во сне. Таких тут всегда хватало; здешние жители называют их «призраками» и уделяют им не больше внимания, чем птицам и бабочкам. Глазуют, умиляются, посмеиваются, изредка угощают забавных чужаков домашним печеньем, но на порог стараются не пускать и серьезных бесед не заводят. «Они и правда смешные, эти сновидцы. — Триша улыбается своим мыслям. — Одни с ошалевшим видом слоняются по городу, другие бросаются творить всякие пустяковые чудеса, летают над крышами и скачут сквозь стены, упиваясь собственным могуществом и полной безнаказанностью; третьи деловито обустраиваются на новом месте, даже не подозревая, что несколько часов спустя им придется отсюда исчезнуть — скорее всего, навсегда. И лишь немногие ведут себя правильно: внимательно глядят по сторонам, запоминают важные детали, спрашивают

у словоохотливых горожан дорогу, ищут талисманы и заводят полезные знакомства. Таким удается вернуться сюда наяву. Не всем, конечно, но все-таки...»

Путешественники вообще не слишком часто сюда попадают. Самый простой путь — приехать на канатной дороге, снизу, из долины. Но это же еще надо как-то туда попасть, а потом набраться мужества и сесть в ненадежную с виду кабинку, стремительно уползающую куда-то ввысь... Некоторые, впрочем, приходят пешком, есть и такие, что с воплями просыпаются поутру в пустовавших прежде постелях заброшенных домов, а вот Тришины друзья Фанни и Марк, которые живут в синем доме на Тихой улице, ухитрились прибыть в город на воздушном шаре. Теперь-то они уважаемые люди: Марк придумывает наряды для доброй половины городских модниц, а Фанни сумела разговорить булыжники на Большой площади, и старательно записывает их истории, которыми зачитываются буквально все, от мала до велика. Соседи в них души не чают, мосты смеются под их ногами, даже недоверчивые саламандры свили гнездо в их камине и вывели малышей, а этим мало кто может похвастаться. Кажется, будто Фанни и Марк всегда жили в городе; некоторые действительно так думают, но Триша хорошо помнит их дурацкий воздушный шар ярко-красного цвета, и как все сбежались смотреть на этукую невидаль, а потом они с дядюшкой Франком отпавали продрогшую, насмерть перепуганную парочку имбирной водкой и варили для них чесночный суп с зелеными кофейными зернами, у Триши еще гренки подгорели, потому что все время отлучалась от плиты поглядеть, как там эти двое.

И дело вовсе не в том, что Фанни и Марк были какие-то особенные (на самом деле все — особенные, но это отдельный разговор). Просто для Триши и Франка всякий новичок, любой чужак — дорогой гость. Собственно, «Кофейную гуцу» открывали именно для них. Потому и место такое выбрали: на самой

границе. Рассудили, что в городе и без того хватает кофеен, кондитерских, баров, чайных павильонов, пивных, пиццерий и ресторанов, а вот встретит ли заплутавшего путника, угостит его чашечкой кофе и рюмкой крепкой настойки, растолкует, что к чему, а если понадобится, то и обратную дорогу показать, кроме них, вроде как, некому.

Некоторые гости расплачиваются самоцветами, или монетками, иные — простенькими чудесами. Благодаря мрачному господину в полосатом жилете Триша когда-то обзавелась рыжей, кудрявой шевелюрой взамен надоевших светло-русых косичек, с помощью улыбочливой старушки в розовых очках поменяла обычные витражи в спальне на окна, по стеклам которых всегда, даже в солнечную погоду стучит дождь — то есть, тому, кто в комнате, кажется, будто на улице дождь, а какая на самом деле погода, не узнаешь, пока не выйдешь. И еще немало полезных новшеств сумела внести в свою жизнь жадная до мелких чудес Триша — а всё они, гости. Но иногда в «Кофейную гуцу» заглядывают клиенты, готовые заплатить за угощение и кров увлекательными историями. Таких Триша любит больше всего. «Если бы не они, мне пришлось бы довольствоваться одной жизнью — собственной, — думает она. — А это очень, очень мало». Выслушивая очередную историю, Триша словно бы проживает чужую жизнь — торопливо, небрежно, не особо вдаваясь в детали, не слишком утруждая свое сердце скорбью, улыбается уголками губ там, где следовало бы хохотать от души — но именно это ей нравится больше всего. Все равно что сливки с чужого молока снять, слизнуть и побежать дальше по своим делам. Типичный кошачий подход к делу, — говорит Франк.

Ну да. А как иначе?

— Я вернулась! — кричит Триша, переступая порог совершенно пустой кофейни. Звонко кричит, чтобы Франку во флигеле было слышно.

— Не ори, — просит он. — Что вернулась, это ты молодец, а вот шуметь совсем не обязательно.

Оказывается, зря она старалась. Франк тут, за стойкой. Но сидит почему-то на полу, а не на табурете, вот его и не видно. Возится с джезвой, строгаёт туда какой-то крошечный пахучий орешек. Никак опять с кофе экспериментирует. С другой стороны, а чем еще заниматься? В кофейне-то пусто, уже который день. Горожане сюда редко добираются, лень им даже ради самого что ни на есть распрекрасного кофе на окраину топтать, а гостей издалека что-то давненько не было. Даже сони-сновидицы куда-то пропали, а ведь раньше невозможно было в сад выйти, чтобы на одного из них не наткнуться. Слонялись всюду, даже на кухню заходили порой, с советами лезли, смешные люди... Черт знает, что им там теперь грезится по ночам, только не «Кофейная гуца». Вот Триша с Франком и сидят вдвоем уже который день, угощают друг друга солеными леденцами, сочиняют новые рецепты, глядят туманных щенков, в нарды играют, лениво переставляют шашки, не слишком интересуясь победой — ни дать ни взять старые бобылки, нелюдимые хуторяне, пограничники на всеми забытой заставе. Ну да, изредка бывшие клиенты заглядывают по старой памяти, и еще Алиса из дома на холме почти каждый день заходит после обеда на чашечку кофе, приносит домашние кексы с цукатами, пересказывает соседские сны — небрежно, как сплетни, или анекдоты. Но Алиса не в счет, она не клиент, а старинная подружка, почти член семьи.

И сейчас в кофейне пусто: только Триша, Франк и новый, незнакомый аромат. Он усилился, сгустился, приобрел почти видимые глазу очертания и даже, кажется, вес — того гляди на стул усядется и потребует, чтобы его развлекали беседой. Триша демонстративно морщит нос, поджимает губы, глядит вопросительно: дескать, что за чудные дела у меня на кухне творятся?

— Это мускатный орех, — говорит Франк. — Нравится? У нас на рынке их почему-то совсем нет, а у меня в кармане, за подкладкой нашелся. Думаю: а дай-ка сварю для Триши кофе с мускатом. Отличная вещь, если не переборщить, конечно. Но так со всеми специями...

Она кивает, еще раз принохивается к ореху — на сей раз вполне благосклонно, рекомендация Франка дорогого стоит, — а сама тем временем разбирает покупки, мяту ставит в вазу, хризантемы мелко режет острым ножом, складывает в горшочек, поливает виноградным маслом. Будет нынче на обед цветочный салат. Франк его не ест, но разглядывать очень любит. Она знает, это для него очень важно — насытить взор.

— Сегодня у нас будут гости, — говорит Франк. — Так что пляши, Триша.

Это не просто фигура речи, уж ей-то известно. Если Франк говорит: «пляши», значит надо хоть несколько танцевальных движений сделать, а то не отвяжется. Поэтому Триша пляшет. Вертит задницей, притоптывает ножками в новеньких сандалиях, отбивает ритм ладонями. Старается.

— И хорошие гости? — спрашивает, переведя дыхание.

— А то. Лучше не бывает.

Триша поднимает брови, недоверчиво качает головой. Это всегда считалось ее причудой, чуть ли не привилегией: любить гостей, восхищаться ими, записывать в особую тетрадку рассказанные ими истории, с нежностью вспоминать тех, кто заходил прежде, с нетерпением ждать новых. Франк всегда относился к их клиентам с доброжелательным равнодушием. Дескать и хотел бы все-таки заинтересоваться, да вот беда: слишком долго жил на свете, слишком много повидал, успел понять, что все человеческие лица, в сущности, похожи, а великое множество историй — суть одна история, увлекательная лишь поначалу. Первые лет пятьсот.

— Что же это за гости такие, что даже тебя проняло?

— А вот увидишь, — и он вдруг заговорщически подмигивает.

Нечего и говорить, что с этого момента Тришин день становится длинным и тягучим, часы ее идут так медленно, что лучше бы уж вовсе стояли, дожидаться — не то что вечера, обеда — решительно невозможно, но ей это, в отличие от большинства, очень нравится. Триша умеет сладко томиться ожиданием, вместо того, чтобы маяться. Она много чего умеет, умница, хорошая кошка.

Когда ночь опустилась на город, и трава в саду запахла свежими морскими водорослями, а толстые домашние светляки лениво потрусили по садовым дорожкам на свои обычные места, Триша уселась на крыльцо, чтобы не пропустить гостей. Роковая ошибка: услышав за спиной шаги и голоса, она поняла, что гости явились из сада и вошли через заднюю дверь. Странно вообще-то. Обычно через сад только сам Франк и ходит, когда вспоминает (кажется, без особого удовольствия), что у него есть другие дела, кроме города и «Кофейной гуци». Ну и еще, конечно, сновидцы, но они-то не в счет.

«Вот так так!» — озадаченно произносит незнакомый мужской голос, а Франк отвечает: «Было бы чему удивляться»; какая-то женщина просит: «Познакомь нас», а потом они начинают говорить все вместе, выходит совершенно неразборчиво. Триша прислушивается, не решаясь вот так сразу взять да и войти. Иногда она становится застенчивой, и обычно это случается совершенно некстати, вот как сейчас. Она сидит на крыльце и обещает себе: «Вот пусть закончат здороваться, и я зайду...», а потом, минутой спустя: «Ладно, сейчас они потребуют кофе, и тогда...» — и еще через пять минут решает: «Франк меня сам позовет, когда будет нужно».

И словно услышав эти ее мысли, Франк говорит: «Хотел бы я знать, куда подевалась Триша? Небось на крыльце вас караулит». «Я ее знаю?» — неуверенно спрашивает муж-

ской голос, и Франк отвечает: «Не думаю. Но это легко поправимо».

Она понимает, что откладывать знакомство больше нельзя, поднимается со ступеньки, с наслаждением потягивается, зевает, мотает головой, чтобы взбодриться и заходит в дом.

— Доброй ночи, — говорит она. — Меня зовут Триша. Я — кошка Франка.

Ей, чего греха таить, нравится шокировать таким признанием новых клиентов. Обычно в подобных случаях Франк укоризненно качает головой, но сейчас он одобрительно ухмыляется в усы. Зато гости относятся к Тришину признанию совершенно спокойно, словно бы ничего иного и не ожидали. Милая сероглазая женщина улыбается Трише с явным сочувствием, только что не подмигивает по-свойски, но к тому идет. Сама, что ли, тоже кошка? Или другой какой-нибудь зверь?

— Изредка я становлюсь птицей, — объясняет она. — Если вдруг что, постарайтесь, пожалуйста, на меня не охотиться. Я крупная, когтистая и сердитая птица. Меня и гладить-то в таких случаях не стоит.

— Не буду охотиться, — обещает Триша. — Я, собственно, и раньше не... Я же была домашняя кошка, какая тут охота! Давайте я вам лучшие лимонад принесу. Домашний, из погреба, хотите?

— Очень хотим, — тут же отвечает мужчина в летнем костюме болотно-зеленого цвета, похожем на полевую военную форму какой-нибудь неизвестной державы, только без знаков отличия.

Триша устала на него с нескрываемым любопытством: прежде сюда друзья и знакомые Франка никогда не заглядывали, а ведь она слышала из-за двери: эти двое говорили именно как старые приятели. На первый взгляд, человек как человек, ничего особенного. Светлые рыжеватые волосы несколько месяцев назад, надо думать, были аккуратно подстрижены, но с тех пор изрядно отросли, и теперь закрывают уши и лоб. Подвижное, изменчивое лицо — одно из тех, что почти

невозможно запомнить, даже опознать по фотографии — тяжкий труд. Его можно было бы назвать неприметным, если бы не причудливое, почти неуместное сочетание обаятельной мальчишеской улыбки и тяжелого взгляда — приметя такой тебя рассматривать, того гляди сутулиться начнешь. Рядом с ним Трише становится немного не по себе — не то чтобы всерьез испугалась, а совсем чуть-чуть, как будто глухой ночью, сидя в теплой, на все засовы запертой кухне, вой звериный за окном услышала — далеко-далеко, и заранее ясно, что сюда-то уж точно не доберется неведомое чудовище, но озноб все равно пробирает — вот примерно так.

— Меня зовут Макс, — говорит незнакомец, вежливо опуская голову.

Теперь, стало быть, можно считать его знакомцем — теоретически.

Триша вопросительно глядит на Франка: дескать, кто это такой? Но дядюшка Франк прячет в усах улыбку, да бровь приподнимает загадочно. Что хочешь, то и думай, мне и самому интересно, до чего ты додумаешься — примерно так следует его понимать.

Триша бежит в погреб за своим фирменным зеленым лимонадом, выбирает лучшие стаканы — высокие, прозрачные, из тонкого стекла, бережно разливает пенный напиток. Гость по имени Макс тем временем усаживает свою спутницу в плетеное кресло, отлично приспособленное для того, чтобы отдыхать и курить, лениво озираясь по сторонам, а сам обходит кофейню, разглядывает глиняные вазы, трогает деревянные столешницы, нюхает сухие и свежие букеты, улыбается мечтательно. Движения его кажутся плавными, неспешными, ленивыми, на деле же он носится как вихрь — раз, раз, и осмотрел помещение, куда можно, нос уже сунул, куда нельзя (за стойку, то есть) — тоже. Взялся за ручку двери ведущей в сад, спросил Франка: «Я ведь никуда не исчезну, если?..» — и не договорив, не дожидаясь ответа, был таков, а минуту спустя вернулся с сухим прошлогодним листком в волосах, с мокрыми травинка-

ми, прилипшими к ботинкам, окруженный резвыми щенками тумана, а двоих, самых мелких, в охапке притащил. Гладит их, тербит, радуется как мальчишка.

— Никогда таких зверят не видел, — вздыхает. — Вот это да! Такие мне точно не снились.

— Думаешь, кроме тебя некому? — ухмыляется Франк. — Одними твоими фантазиями жизнь не наладишь. У тебя, прости уж, не настолько богатое воображение, да и в деталях ты непростительно небрежен. Будь твоя воля, ходили бы мы по улицам, завернувшись в одеяла, и питались бы вечерней росой да спелыми фонарями — скажешь, не так?

— Есть такое дело, — миролюбиво соглашается гость, а понятливая Триша прижимает ладошку к губам и тихонько охает.

Ей немножко страшно и очень, очень любопытно.

Триша знает все городские сплетни, слухи и легенды; благодаря беседам с Франком, она неплохой эксперт в этих вопросах. Почти всегда может отличить искусно приукрашенную правду от полной чепухи. Только в нескольких случаях Франк отказывался приходить ей на помощь, отмахиваясь: «Ты лучше погляди, как я сегодня кофейные зерна поджарил!» — или обещал: «Потом как-нибудь об этом поговорим».

Особенно упорно Франк отказывался обсуждать главную городскую легенду, и это было досадно. Тут ведь как дело обстоит: почти все здешние обитатели свято верят, что их город однажды приснился — кому, это отдельный вопрос. Одни утверждают, что Город однажды увидело во сне некое безымянное, но чрезвычайно могущественное божество (находятся, впрочем, ересархи, готовые назвать тайное имя засони первому попавшемуся любопытному собеседнику; Триша услышала штук двадцать разных версий прежде, чем окончательно утратила интерес к таким разговорам). Другие верят, будто эти улицы и мосты пригрезились обычному человеку: то ли одинокой хромой девице, то ли

умирающему ребенку. Третьи полагают Город такой публичной грезой для общего пользования. Город, говорят они, существует сам по себе, но именно для того, чтобы самые разные люди могли время от времени любоваться им во сне — а иначе с какой стати тут сновидцы толпами бродят?! Сторонники разных версий сходятся в главном: Город, считают они, будет стоять лишь до тех пор, пока найдутся желающие видеть его во сне.

Знать такое о месте, где живешь, приятно и забавно, но, что греха таить, страшно-вато — если относиться к этой идее всерьез. Потому что вопрос: куда мы все денемся после того, как проснется сновидец? — он, конечно, кажется интересным, если так, поболтать собрались. А если не поболтать? Если проснется? И куда в таком случае эвакуироваться? И как? И успеем ли? Ну и вообще Город жалко. Где еще такой хороший найдешь?

Поэтому Трише всегда хотелось, чтобы все эти басни про Того-Кто-Видит-Город-Во-Сне оказались выдумкой. В конце концов, басням верит подавляющее большинство горожан, а большинство почти всегда ошибается, просто обязано ошибаться. Даже здесь, в Городе.

И вдруг — здрасьте пожалуйста. «Такие мне точно не снились». И Франк ведет себя так, словно речь о чем-то само собой разумеющемся. Ну, вроде как: «такого я в свои карманы не кладу» — «значит кто-то подсунул». Ничего себе дела!

— Мы, что ли, вам снятся? — строго спрашивает Триша. — Вы тогда не вздумайте просыпаться, слышите?

— Ты так орешь, что если бы он спал — уж точно проснулся бы! — смеется Франк. — Ну и каша у тебя в голове!

Ну да, каша. А что там может быть? И кто в этом виноват? Кто никогда ничего толком не объясняет?! То-то же.

— Я сейчас не сплю, — очень серьезно говорит незнакомец по имени Макс. — И вы мне не снитесь. Но когда-то, было дело, мне часто

снился этот город. А потом оказалось, чтобы увидеть его, больше не обязательно засыпать, по крайней мере, мне. Достаточно уметь путешествовать между Мирами. А такие путешествия, можно сказать, моя специализация. Собаку на этом съел. Кошек, заметьте, не ел. В жизни ни одной кошки не обидел!

Ох. Приятно слышать, конечно. Если бы еще понять, где заканчиваются его шутки и начинается серьезный разговор...

— Что касается Города, — начинает Франк, водружая на плиту самую большую джезву, как раз на четыре чашки. — Тут, Триша, не все так просто. Наш Город действительно когда-то снился Максу. Город, но не мы с тобой и не наша кофейня, заметь! И даже рыночная площадь ни разу ему не приснилась. И вообще Макс сам по себе, а мы — сами по себе. Потому что с какого-то момента Город окончательно перестал быть его сном. И вообще чьим бы то ни было. Этот стул, — он стучит ладонью по свежевывструганному барному табурету, — не исчезнет, даже если разбудить всех живых существ, сколько их там во Вселенной, одновременно. И кофейня никуда не денется, и Алисин дом на холме, и мосты останутся — вообще все. Это и есть самое интересное. Собственно сама по себе история — ничего особенного, Город наш — не ахти какое исключение из правил, разве что новорожденный, тем и хорош. Да и Макс вовсе не единственный в своем роде. Не божество какое-нибудь, я это имею в виду.

— Ну и хвала Магистрам! — восклицает сероглазая женщина. — Только с божеством связаться мне не хватало...

Триша впервые слышит такое выражение: «хвала Магистрам», и понятия не имеет, кто такие эти самые «магистры», но и так ясно, что оно обозначает радость и облегчение.

Гости смеются, трещат без умолку, тебелят щенков тумана, с наслаждением морщат носы, принюхиваясь к свежесмолотому кофе. Хорошо, выходит, не быть божеством!

А Трише до сих пор казалось — наоборот. Есть над чем подумать, Но не сейчас. Потом.

— Многие города — да что города, целые континенты, планеты, Вселенные! — именно так и рождаются, — говорит Франк. — Вещество, из которого сотканы сны, отлично подходит для строительства новых обитаемых реальностей: пластичное чрезвычайно и куда более прочное, чем может показаться. Люди, собственно, для того только и нужны, чтобы видеть сны, — внезапно резюмирует он. — А зачем бы еще?

Гости немедленно умолкают, чтобы внимательно его выслушать. Вот и видно, что не так уж хорошо они знакомы! А то бы знали, что Франк обычно просто так болтает, как ручей журчит. Нравится ему говорить, вот и все. Мурлыкать-то не умеет!

— Забавно, — продолжает Франк, — люди-то думают, что все самое важное происходит наяву. Стараются играть всерьез, жить по правилам, добиваются чего-то, суетятся, жизнь кладут, убивают друг друга, доказывая свою правоту — смешные! С другой стороны, это и хорошо: как только человек решает, что какое-то дело для него «самое важное», он тут же его запарывает, тем или иным способом. Поэтому — да, пусть думают, будто живут ради всей этой чепухи, которая «наяву»...

Триша знает: пока Франк варит кофе, он способен говорить о чем угодно, с неизменной убедительностью. Вспомнит ли он свой монолог полчаса спустя, когда кофе будет не только готов и разлит по чашкам, но и выпит — это, конечно, вопрос. Хотя всякое, конечно, бывает.

— А как быть с людьми, которые не видят снов? Они, выходит, вообще бессмысленные? — спрашивает сероглазая женщина. Триша так и не узнала, как ее зовут, а спросить почему-то стесняется. Ну, небось, рано или поздно, а обратится к ней кто-нибудь по имени...

— Все бессмысленные, в том числе и мы с вами.

У Франка есть простые ответы на все сложные вопросы, кто бы сомневался!

— Другое дело, что сны видят все, — продолжает он. — Насколько осознанно ведет себя человек во сне, помнит ли он хоть что-нибудь наутро — это его частное дело. Вопрос личной выгоды и удовольствия: «И что я с этого буду иметь?» Ясно что: либо память и опыт, либо вовсе ничего. Но сны всем снятся. Отвертеться от исполнения своего предназначения никому не дано.

— Когда-то ты впаривал мне, что основное предназначение человека — путешествовать, желательно — между мирами, — улыбается Макс. — А теперь выходит — сны смотреть? Человеческое предназначение явно меняется вместе с твоим настроением!

«Ага, — говорит себе Триша. — Сообразил все-таки!»

— Думаешь, поймал меня? — смеется Франк. — Обойдешься! Сон — это просто самый простой способ путешествовать из одной реальности в другую. Некий гарантированный минимум. Залог того, что никто не убежит завидной своей доли.

Он добавляет в кофе давешний ароматный орех, корицу и зернышко кардамона. Демонстративно игнорирует имбирь, который Триша пытается подсунуть ему под руку. Продолжает с видимым удовольствием:

— И вот одни просто так шляются, а другие с пользой для всех: сочиняют новые города... и новых людей.

— И новых людей тоже? — изумляется сероглазая женщина.

— Ну да. Уж тебе-то должно быть известно: самые лучшие люди — именно выдуманные. Не всякая выдумка, конечно, обрастает плотью, но когда это происходит... О, именно ради этого и стоит жить бесконечно! Такими чудесами не пресытишься.

Гости улыбаются, переглядываются, пожимают плечами, молча берут чашечки с готовым кофе, усаживаются за стол. Триша и Франк гостеприимно уступают им места у окна: пусть любуются.

— Вы вообще надолго сюда? — спрашивает Франк, помогая Трише расставить перед гостями тарелки с горячим печеньем, мятным медом и засахаренной древесной листвою. — Или так, мимо шли, заскочили на минутку?

Они отвечают хором, одновременно и в сущности одно и то же, только разными словами.

— А черт его знает.

— Понятия не имею.

— Правильный ответ, — уважительно говорит Франк. — Приятно иметь дело с толковыми собеседниками. Я же говорю: самые лучшие люди — выдуманные.

Он умолкает, дает им насладиться напитком, и только потом, когда опустевшие чашки отставлены в сторону, сероглазая женщина начинает набивать трубку, а Триша идет к плите, памятуя, что варить вторую порцию — ее обязанность, объявляет:

— Надолго вы или нет, в любом случае, я вас никуда не отпущу, пока не расплатитесь за кофе. Он у нас дорогой: каждая чашка стоит хорошей истории. Но, кажется, вам обоим наше с Тришей гостеприимство по карману: вы же знаете много славных историй, верно? Имейте в виду: всякая история хочет стать рассказанной, как всякое семечко хочет прорасти. Когда человек носит в себе слишком много нерассказанных историй, он начинает сутулиться, голова его ноет по утрам, а сны начинают повторяться — одно и то же, из ночи в ночь, суший кошмар! Но вам повезло: вы встретили людей, готовых слушать вас бесконечно, хоть три вечности кряду.

Триша замирает от волнения, приподнимается на цыпочки, прижимает к груди шкатулку с кофейными зернами. Так значит, будут истории! И, судя по всему, даже не одна — вот ведь как повезло!

— Вы, что ли, действительно хотите слушать нашу болтовню? — Гость по имени Макс ушам своим не верит. — Я-то готов, мне только волю дай, трепаться я могу круглосуточно, но... Вам правда интересно?